

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА: ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ И ВРЕМЯ*

(из книги «Феномен социальной перспективы.
Методологические основания социального прогноза и управления»)

Б.С. Сивирин

Сибирская Академия государственной
службы, Новосибирск

sivirinov@SAPA.nsk.su

В работе рассматривается проблема понимания социальной перспективы как теоретического конструкта, отражающего «процесс» в целостности его динамических состояний. В феномене социальной перспективы нет частичного включения старого в новое. Старое и новое, учитывая всевременность социальной перспективы, присутствуют в ней полностью, в процессуальной целостности.

Ключевые слова: социальная перспектива, старое и новое, всевременность, целостность.

Постановка проблемы понимания социальной перспективы как феномена восходит к классической проблеме теоретической социологии – интерпретации социальной реальности. Социальная перспектива – это реальность в единстве прошлого, настоящего и будущего, ее целостной направленности и потенциальной динамике. Будущее, прошлое и настоящее – равноценные составные части социальной перспективы. Понятие «социальная перспектива» позволяет учитывать социальные процессы в их временной целостности, в процессной связи прошлого, настоящего и будущего. Целостная, перспективная связь трех модусов содержит в себе процессно-пространственные детерминанты, из которых возникают векторы социального изменения, неразрывная связь феномена времени с пространством.

Социальная перспектива как тотальность – это *процесс*. Всякая социальная целостность, как и природная, представляет собой совокупность изменений, взаимодействий пространственных структур. Ощутить и зафиксировать целостный процесс социальной перспективы чрезвычайно сложно, но предполагать и учитывать его в меру эпистемологических возможностей в социальной аналитике и практике необходимо.

Рассматривая социальную перспективу как социальный феномен, мы исходим из того, что она, будучи тотальностью, являет собой движение. Однако понятие «движение» менее всего подходит к общественным целостностям как тотальностям, ибо содержит в себе момент одно- или полимерности, *пути* движения (ср. нем. *bewegung* – движение, где корень *weg* имеет значение «путь»). «Процесс», в отличие от движения,

* Представленный материал, с некоторыми изменениями и дополнениями, является текстом из глав книги Б.С. Сивиринова «Феномен социальной перспективы (методологические основания социального прогноза и управления)», которая готовится ко второму изданию.

так же как и тотальность, *всемерен*. Он охватывает не только прямые связи между социальными целостностями, но и опосредованные, косвенные – как между элементами, так и между различными уровнями в иерархии взаимодействий, определяющих *состояние* явлений, предметов и систем. «Процесс» – это динамика состояний. Процессуальность присуща почти всем системным целостностям общества. Это не только макроисторический и макросоциальный феномен, изучением которого так увлекались известные исследователи (О. Шпенглер, А. Тойнби, К. Маннгейм и др.), «процесс» присутствует в социальных системах любой масштабности, в том числе на мезо- и микросоциальном уровне. Само явление целостности и тотальности в любых формах неотделимо от «процесса», ибо в нем отражается динамика тотальности. «Понятие «организм», – писал А. Уайтхед, – двояким образом сочетается с понятием «процесс». Сообщество актуальных вещей есть организм, но этот организм отнюдь не статичен»¹. В процессе создания нового он всегда не завершен. Поэтому расширение вселенной актуальных вещей оказывается первым значением «процесса»; сама же вселенная на любой стадии своего расширения есть первое значение «организма»².

Предлагаемая концептуальная модель социального процесса как социальной перспективы близка лишь небольшому количеству попыток его интерпретаций. И прав Н. Луман, утверждающий, что даже самые интересные теории структурного изменения общества не являются теориями «процесса». «Ни Парсонс, ни к тому времени предпочитаемые неодарвинистские теоре-

тические подходы не смогли дать понятие «процесса»³. И все же довольно успешные, на наш взгляд, попытки исследовать «процесс» как феномен бытия вообще, а также бытия социального можно найти в работах А. Бергсона, М. Бунге, А. Уайтхеда и Д. Лукача. Их весьма плодотворные идеи и мысли, так и не получившие концептуального развития в контексте их работ, являются весьма содержательной базой для исследования феномена социальной перспективы в теоретической социологии.

Итак, социальная перспектива – это процесс, а всеохватность – одно из важнейших свойств процесса. «О процессе следует говорить, если события сцепляются друг с другом»⁴. При этом синхрония и диахрония «перспективы-процесса» сосуществуют как единое *феноменологическое социальное поле*. Об этом хорошо сказал А. Уайтхед: «Одновременный событию мир косвенно имманентен данному событию не в отношении отдельных индивидуальных событий, а как общий субстрат отношения порядка. Порядок данного типа будет связывать между собой различные части одновременного мира и будет связывать их с данным событием. Но части одновременного мира будут принадлежать опыту данного события только как элементы, связанные порядком данного типа. Это служит общим объяснением того, почему одновременный мир следует воспринимать как область единых пространственных отношений. Этот мир не говорит нам, в силу каких причин в данный период господствует некоторая конкретная система взаимоотношений. Однако такое объяснение указывает, почему в

¹ Уайтхед А. Избранные работы по философии. – М., 1990. – С. 302.

² Там же.

³ Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. – Frankfurt a/M., 1993. – S. 483.

⁴ Ibid. – S. 482.

нашем восприятии одновременного мира должна господствовать некоторая система единых отношений⁵.

В своей концепции процесса А. Уайтхед стремился выразить изменчивость, преходящий характер состояний мира и его элементов. Он пишет, что всякая новая действительная сущность возникает путем «сращения» (*concrecence*). В результате этого «универсум вещей приобретает индивидуальное единство в результате подчинения “многих” из них конституированию “одной” новой вещи⁶».

Социальная перспектива как раз и является этим «универсумом», правда не только вещей, но и взаимодействий. Возникающая как «новое», социальная перспектива-процесс вбирает в себя («сращивает») бесчисленное множество состояний действительности. По традиционной логике *новое* возникает лишь в том случае, если старое исчезает. Однако для социальной перспективы как процесса эта «последовательная» логика неприемлема, даже если считать, что старое не исчезает абсолютно, а превращается в материал для новой действительности. В феномене социальной перспективы нет *частичного* включения старого в новое. Старое, учитывая вневременность, или *всевременность*, социальной перспективы, присутствует в ней полностью. А. Уайтхед в какой-то степени уловил эту временную «сращивенность» модусного континуума «процесса»: «Если не говорить об одновременных событиях, то одно событие принадлежит будущему другому событию. Тогда более раннее событие будет *имманентно* (выделено нами. – Б. С.) присутствовать в более позднем событии в соответствии с типом причинности, а более

позднее будет имманентно присутствовать в более раннем событии в соответствии с типом предвосхищения...»⁷.

Зададим, однако, вопрос: в каком смысле здесь старое присутствует в новом. Если говорить об *онтологии* социального бытия, то старое не может присутствовать в новом, оно уже есть ставшее новое (настоящее). Как часто мы, анализируя социальную трансформацию, говорим о том, что еще (!) осталось старого в нашей жизни, о «борьбе» старого с новым и при этом не понимаем, что имеем дело с несколькими ипостасями единого социального универсума. Во-первых, заметим (пока не аргументируя), что никакой «борьбы» старого с новым в онтологическом смысле нет, механизм здесь несколько сложнее. Во-вторых, действительно, старое и новое существуют лишь в *системно-функциональном* смысле как «ставшее новое». Не будучи *бытийно* старым, то или иное социальное явление существует в настоящем как «старое» с точки зрения сохранения своих *прошлых функций*. Это может быть, например, человек сегодняшнего дня, но мыслящий по-старому; старая технология, применяемая сегодня, и т. д. Такой подход к «старому» и «новому» в практической жизни имеет право на существование. И, в-третьих, следует понимать, что в едином поле социальной перспективы «старое» и «новое» сосуществуют, они равнозначны, равноправны и равноценны в феноменологической реальности в том смысле, что оказывают на эту реальность *одинаково необходимое*, хотя и разное, воздействие. Лишь в силу известных свойств человеческого мышления мы как бы выстраиваем последовательность, иерархию старого и нового, определяя таким путем (часто ошибочно) социальную ценность, полез-

⁵ Уайтхед А. Указ. соч. – С. 599.

⁶ Там же, с. 297.

⁷ Там же, с. 599.

ность или вредность того или иного общественного явления.

Как уже отмечалось, процессуальности присуща сращенность модусного континуума. Модусное время – «прошлое», «настоящее», «будущее» всегда с нами. Следует, однако, заметить, что если «старое» связано только с модусом прошлого, то «новое» может быть связано как с модусом настоящего, так и будущего. Эта нечеткость, гибкость границ между модусами определяется тем, что темпоральная характеристика социальной перспективы предполагает существование эффекта *системно-функциональной социальной экстенпоральности в рамках процессного континуума*. Это, в свою очередь, создает темпоральную свободу синхронно мыслить о прошлом, настоящем и будущем, а также определяет возможность перехода социальных состояний из функционального социального настоящего в функциональное социальное будущее и прошлое, и наоборот.

Обратимся к основным характеристикам модусов экзистенциального социального времени. Прошлое, настоящее и будущее – это в мире человеческой экзистенции не просто модусы, но богатейшая социокультурная база, на которой строится жизнь общества. В социальном времени человек перестает быть привязанным только к хронологическому пространственно-временному настоящему. Благодаря разуму он обладает способностью изучать прошлое, обращаясь к мировому человеческому опыту и знаниям, «растягивать» и «раздвигать» настоящее, фиксируя и воспроизводя процессы, которые обеспечивают ему достойное существование, ставить цели и планировать свои действия, предвидя будущее как результат и следствие этих действий. Каждый момент времени принад-

лежит либо прошлому, либо настоящему, либо будущему. Но все они «есть один и тот же многообразно и упорядоченно качественствующий в них субъект»⁸.

Распространяя эту логику на общество, можно сказать (и это будет верно также и в онтологическом смысле), что «прошлое» (старое), а точнее, результаты прошлой деятельности человека есть элемент *настоящей* жизни общества, ведь все предметы и вещи, которыми мы пользуемся сейчас, созданы в прошлом, идеи и ценности прошлого (если они известны людям) являются влиятельным фактом настоящего⁹.

Но имеем ли мы право *все* подобное называть прошлым? Будучи созданным, любой артефакт (т. е. все, что создано человеком), особенно *если он и сейчас удовлетворяет всем основным требованиям по своей функции*, есть всегда, т. е. в любую эпоху, период, день, час, факт *настоящего* или, точнее, *вечности*. Венера Милосская как «старое» произведение искусства – это уже не прошлое. В социокультурном смысле это достояние современной культуры. Глиняный кувшин как археологическая находка – тоже факт современной культуры, даже если его функция в настоящем изменена, и он в данном случае представляет собой музейный экспонат. Можно лишь согласиться с тем, что данные предметы суть свидетельство, информация о прошлом, о факте их создания, но не само хронологическое прошлое.

Однако, с другой стороны, было бы некорректно отрицать и определенные свойства системно-функционального «прошлого» в процессах и явлениях как творениях

⁸ Карсавин Л.П. Указ. соч. – С. 277.

⁹ Поэтому прошлое пребывает в человеке как элемент его настоящей жизни благодаря памяти. «Сам я прошлый во мне настоящем», – отмечал Л. Карсавин (Там же, с. 283).

хронологического прошлого. По этому поводу Л. Карсавин писал: «Исторический источник есть само прошлое, поскольку оно живет настоящим, т. е. является и настоящим, находясь в стяженном всеединстве настоящего. Какой бы мы источник ни взяли, одною из сторон своих он являет нам само прошлое. Так, в хронике, даже если она дошла до нас лишь в очень поздних списках и знакома нам только по печатному тексту, существуют следы языка, характера восприятия и передачи, свойственные ее эпохе, сама эта эпоха»¹⁰. Так и в приведенных нами в качестве примеров предметах присутствуют «следы», свойственные эпохе их создания. В случае Венеры Милосской это эстетика человеческого тела, в известной мере отличающаяся от современных канонов красоты; у кувшина – и эстетика формы, и следы древней технологии и, может быть, собственная функция, присущая только Древнему миру.

Хотелось бы обратить внимание на социальную важность этой диалектики прошлого и настоящего, которая должна являться *императивом в социальной деятельности*. Очень важно правильно различать, когда мы имеем дело с элементами «старого», прошлого, когда – настоящего, а когда и будущего. М. Блок предупреждал: «Незнание прошлого не только вредит познанию настоящего, но ставит под угрозу всякую попытку действовать в настоящем»¹¹.

В реальной социальной практике очень важно различать отмеченные нами свойства прошлого: системно-функциональные, т. е. когда предмет или явление сохраняют свои прошлые функции либо качества – положительные или

отрицательные, и свойство внедряться, вписываться в жизнь и влиять на нее как факт *настоящей* социальной реальности. Примером этих качеств «прошлого» в общественной жизни является крестьянский, сельский *традиционализм* в бытовых, социокультурных и даже политических взглядах как фактор прошлого в нашем настоящем. Об этом хорошо сказано у М. Блока¹². Из «Манифеста Коммунистической партии» известна такая мысль: «В буржуазном обществе прошлое господствует над настоящим, в коммунистическом обществе – настоящее над прошлым»¹³. Ни то, ни другое не может быть позитивным в социальной реальности. В действительности как прошлое, вторгаясь в жизнь, становится *вливающим* фактором настоящего, так и настоящее *довлеет* над прошлым своими интерпретациями. Старое – это сохраненное и функционирующее в настоящем прошлое.

Гегелевская логика единства и борьбы противоположностей и «снятия» в ходе развития, *восходящая*, что очень важно, *к непогрешимому* «мировому духу», приобретает у людей извращенную форму в силу несовершенства *человеческого* духа, мышления и систем ценностей. В связи с этим следует подчеркнуть, что в феноменологической реальности социальной перспективы (а именно с ней люди имеют дело и способны влиять на нее) нет дихотомии «старого» и «нового». Процесс общества – это единство онтологического и человечески субъективного, где механизмы мышления, индивидуальной и социальной памяти, связанные с попыткой удержать в ней не только рациональные черты непосредственно предшествующего,

¹⁰ Карсавин Л.П. Указ. соч. – С. 288.

¹¹ Блок М.А. Апология истории, или Ремесло историка. – М., 1973. – С. 25–26.

¹² Блок М.А. Там же, с. 25–26.

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Полн. собр. соч. – Т. 4. – С. 439.

но и всего предыдущего процесса, всех действительных сущностей социального континуума, вызывают существенную аберрацию и вследствие этого мутацию социальной перспективы как процесса.

Рассматривая социальную перспективу как процесс, мы вычленим его предметно-содержательные элементы и существующие между ними связи и зависимости. При этом под элементами структуры перспективы-процесса понимаются генерализующие понятия, представляющие его качественные свойства, факторы и динамические характеристики (состояние, непрерывность, переход, становление и др.). В свою очередь, в рамках этих свойств и характеристик, отражающих бытие социальных процессов, проявляют себя отдельные стороны процесса, которые позволяют видеть в нем движение (это проблема фаз, стадий, этапов, периодов и циклов).

Структура социальной перспективы-процесса, как уже отмечалось, представляет собой единую ткань (поле) переплетения *синхронных* связей социальной тотальности с *диахронными*. Синхрония процесса – это не только статика, но и динамика *одновременных* (одномоментных) связей элементов общества, обладающих определенными качественными и количественными характеристиками и представляющих собой *состояние* (событие, ситуацию) как всего общества, так и каждого из его элементов.

Обратимся к диахронии социального процесса. Она проявляется, разумеется, в динамике синхронной сети связей, но уже в форме последовательности, этапности, цикличности перехода и т. п. Поэтому, анализируя любой социальный процесс, необходимо:

1) вычленять события, их последовательность, длительность, качественные из-

менения, характер перехода, не забывая об их связях синхронного характера в рамках тотальности общества;

2) учитывать связи частных процессов-событий на локальных микросоциальных уровнях, перемежающихся с событиями большей длительности на мезо- и макроуровнях общества. Например, любой локальный административный, политический или социально-экономический процесс имеет свои социальный ритм, время и циклы функционирования. Это может быть рабочий день отдела, фирмы; срок legislatury местной администрации, правительства. Все это накладывается на социально-исторические события макро- и мегасоциальной масштабности – периоды реформ, исторические эпохи и т. д.;

3) определять индикаторы, показатели состояния и динамики всякого социального процесса, а следовательно, изучать в каждом случае присущую только данному процессу ритмику и временные параметры.

Таким образом, социальный процесс, включая в себя состояния и события, сам является состоянием этих состояний и событием событий. Следовательно, ему как тотальности присущи все их свойства. В частности, у процесса может быть своя *линия, вектор, траектория*; ему присущ вероятностный характер. *Процесс-перспектива* уже *содержит в себе некий набор всех возможных показателей его будущих состояний*. В данном случае он, как феноменологический конструкт, представляет собой *аналог N-мерного «фазового пространства», где разноритмичность и разноцикличность сочетаются с разными возможными качественными параметрами различных социальных пространств-процессов*.

Нет ничего оригинального в утверждении, что общество и история – это процесс. Процессуальность общества и истории в

целом дана людям в их опыте и не оспаривается, хотя требует более глубокого отношения к ней исследователей, чем это было ранее. В то же время люди сталкиваются с большими трудностями в восприятии различных предметных, вещных целостностей естественного и социального мира. Социальные образования как целостности тоже процессуальны. Бытие государства, партии, правительства – это процессы. Например, при структурно-функциональной определенности и устойчивости любой администрации она, как социальная целостность, в то же время и *процессуальна* со всеми вытекающими отсюда изменениями, связями, характеристиками и последствиями.

Таким образом, являясь процессом, всякая социальная целостность, как макромасштабная, так и на мезо- и микроуровнях, должна рассматриваться в соответствующем поле внутренней и внешней детерминации. При всей технико-информационной и познавательной сложности использо-

вания в настоящее время перспективно-процессуального подхода в анализе социальных процессов он, на наш взгляд, благодаря развитию информационных технологий в будущем обладает весьма широкими возможностями.

Литература

Блок М.А. Апология истории, или Ремесло историка. – М., 1973. – 107 с.

Касавин Л.П. Философия истории. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 351 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. 2-е изд.

Свиринов Б.С. Феномен социальной перспективы (методологические основания социального прогноза и управления). – Новосибирск: Наука, 2002. – 196 с.

Уайтхед А. Избранные работы по философии: пер. с англ / Сост И.Т. Касавин: общ. ред. и вступ. ст. М.А. Киселя. – М.: Прогресс, 1990. – (Философская мысль запада). – 717 с.

Libmann N. Soziale Systeme. Grundriss einer allgemeinen Theorie. – Frankfurt a/M., 1993. – 675 s.